

Проходят года, минуют века... Жизнь стремительно движется вперед и неумолимо переворачивает страницы своего вечного календаря времени. Но великие события, события всемирно-исторического значения неприкосновенны для времени : они не подвластны времени и навсегда останутся в памяти народной.

На летних каникулах я с ребятами нашего класса отправилась на экскурсию по сожженным деревням, чтобы увидеть монументы жертвам фашизма и поклониться колени перед погибшими жителями Ельского района.

Был теплый летний день... До деревни Кочищи добрались автобусом.

Совсем неожиданно мы увидели старенькую бабушку. Меня поразили ее глаза: в них светилась радость от встречи с нами и одновременно боль, которая, казалось, ее переполняет. Я застыла, как вкопанная.

Не сдержалась, подбежала к бабушке, поздоровалась, села около нее на лавку. Вскоре подбежали и мои одноклассники, присели с другого бока. Мне почему-то вдруг захотелось прикоснуться к бабушке, обнять, пожалеть, но я сдержалась и только сказала:

- Какое прекрасное лето, какой чудесный солнечный денек!

Бабушка внимательно посмотрела на меня и промолвила:

- А я смотрю на солнышко и вижу: красным пламенем вспухнули хаты, а я с детьми убегаю от пожара.

- От какого пожара? – удивленно спросила я.

- Давно это было. Более 70 лет прошло. Летом в сорок втором в Ельском районе лютовали каратели. Три немецкие дивизии, снятые с фронта, наводили порядок в партизанской зоне.

Вот таким летним теплым днем, 18 июля, каратели на машинах и конях окружили нашу деревню, начали выгонять всех из хат. Я взяла на руки меньшую дочку, ей всего полтора месяца было, а две старшие ухватились за мою юбку, и мы побежали. На улице крики, женщины голосят, дети плачут. Вокруг слышны непонятные слова, и полицаи с закасанными рукавами и автоматами подгоняют людей к зернотоку. Амбар длинный, в нем несколько ворот. Каратели все ворота забили гвоздями, оставили только одни. Посередине поставили столы, а на них пулеметы. Долго расспрашивали о партизанах, затем расстреляли старосту, потому что подозревали его в связи с коммунистами. Все молчали, только дети плакали. Потом один немец стал выбирать девочек и стрелять в них. Упала моя среденькая. Я наклонилась к ней, а она мертвенькая лежит. Кровь с грудочки ручейком льется. Повернулась к старшенькой, а она лежит, и лица у нее нет. А тут полоснули автоматные очереди. Люди кинулись во все стороны. Я увидела, что ворота открыты и кинулась в проход. Все вокруг загорелось. Люди, которые еще живые, ползут к воротам. Мне удалось выбежать из ада смерти. Я с дочушкой побежала к лесу. Казалось, уже убежала, но откуда-то появился передо мной немец с автоматом...

Когда я пришла в себя, то первое, что увидела, был яркий свет, который я никогда раньше не видела. Только потом поняла: это горит вся наша деревня...

Бабушка долго молчала. Скупая слеза покатила по морщинистой щеке. Мне показалось, что она судорожно всхлипывает, но она смогла совладеть со своим горем.

Мы молча сидели и боялись даже взглянуть на солнце. Нам казалось, что увидим тот страшный пожар ранним утром. А старая женщина, немного успокоившись, продолжала дальше:

-Вокруг была тишина. Ни голосов, ни плача, ни выстрелов не было слышно. Наконец до меня дошло: доченька у меня на руках голодная. Прижалась к ее личику, а оно холодное. Смотрю : руки мои все в липкой крови. Развернула пеленку и вижу: в мою

малышку три пули попали . Одна прошла навывлет и поранила меня в плечо, вот отчего я потеряла сознание. А немец решил, что я мертва.

Вот и живу, детки мои. Доченька моя маленькая заслонила меня собой, на себя приняла мою смерть. Кончилась тогда моя жизнь, закончился мой короткий век. Вот уже семьдесят два года живу вместо своей доченьки. Какой тяжкий крест жить жизнью своего ребенка. Страшнейшей доли для матери не существует.

Я не знала, что сказать, как помочь чужому горю. А потом бабушка добавила, что она из деревни Копанка, которая сгорела и не восстановлена, что в 1943 году санитаркой попала на фронт. Была контужена при взятии Варшавы, дошла до Берлина и в 1946 году вернулась в район, получила награды. И теперь часто навещается на могилки своих деток, родных, односельчан, беседует с ними, пока силы есть.

Мы сидели и молчали. Но бабушка сказала:

-Бегите, детки! Я хочу побыть одна.

Мы поклонились бабуге в пояс. Поклонились ее выдержке, ее невыносимому горю, ее страданию, ее силе воли, ее памяти, которую она передала нам, потомкам, чтобы не забыли, чтобы помнили и передали своим детям. Мы были так ошеломлены услышанным, что не смогли нарушить покой бабушки и спросить фамилию, имя и отчество. Но главное мы унесли с собой – память.

Наконец мы добрались к памятнику. Посреди поля, среди деревьев, посаженных чей-то заботливой рукой, высится мемориальная плита. Не слышен здесь детский смех. Вокруг стоит мертвая тишина.

Конечно, я много читала и слышала, как фашистские захватчики издевались над мирными жителями, как палили деревни, расстреливали людей. Жутко было это осознавать. Но тут, стоя перед бетонной плитой после услышанного, я как будто все увидела своими глазами. Особенно больно было думать о том, что когда-то тут жили такие же люди и дети, как и мы: ходили по земле, трудились, веселились, радовались жизни. Но их жизнь оборвала война...

Мы молча стояли, всматривались в бетон, а сознание мое само рисовало людской страх перед смертью, непонимание “ За что?”, а в ушах звучал крик людей, плач детей, слышались выстрелы. Невозможно описать неслыханные злодеяния, которые вытворяли гитлеровские убийцы. Об этом нельзя забывать.

Мы об этом будем помнить и сделаем все, чтобы на Земле царил Мир, потому что только в мирной жизни могут осуществиться надежды и пожелания людей на светлое будущее.

Мы помним слова хатынцев, слова-обращения ко всем нам:

“Люди добрые, помните!

Мы любили жизнь и Родину нашу, и вас, дорогие.

Мы сгорели живыми в огне.

Наша просьба ко всем:

Пусть скорбь и печаль обернутся в мужество ваше и силу,

Чтобы смогли вы утвердить навечно мир и покой на земле,

Чтобы отныне нигде и никогда в вихре пожаров жизнь не умирала.”